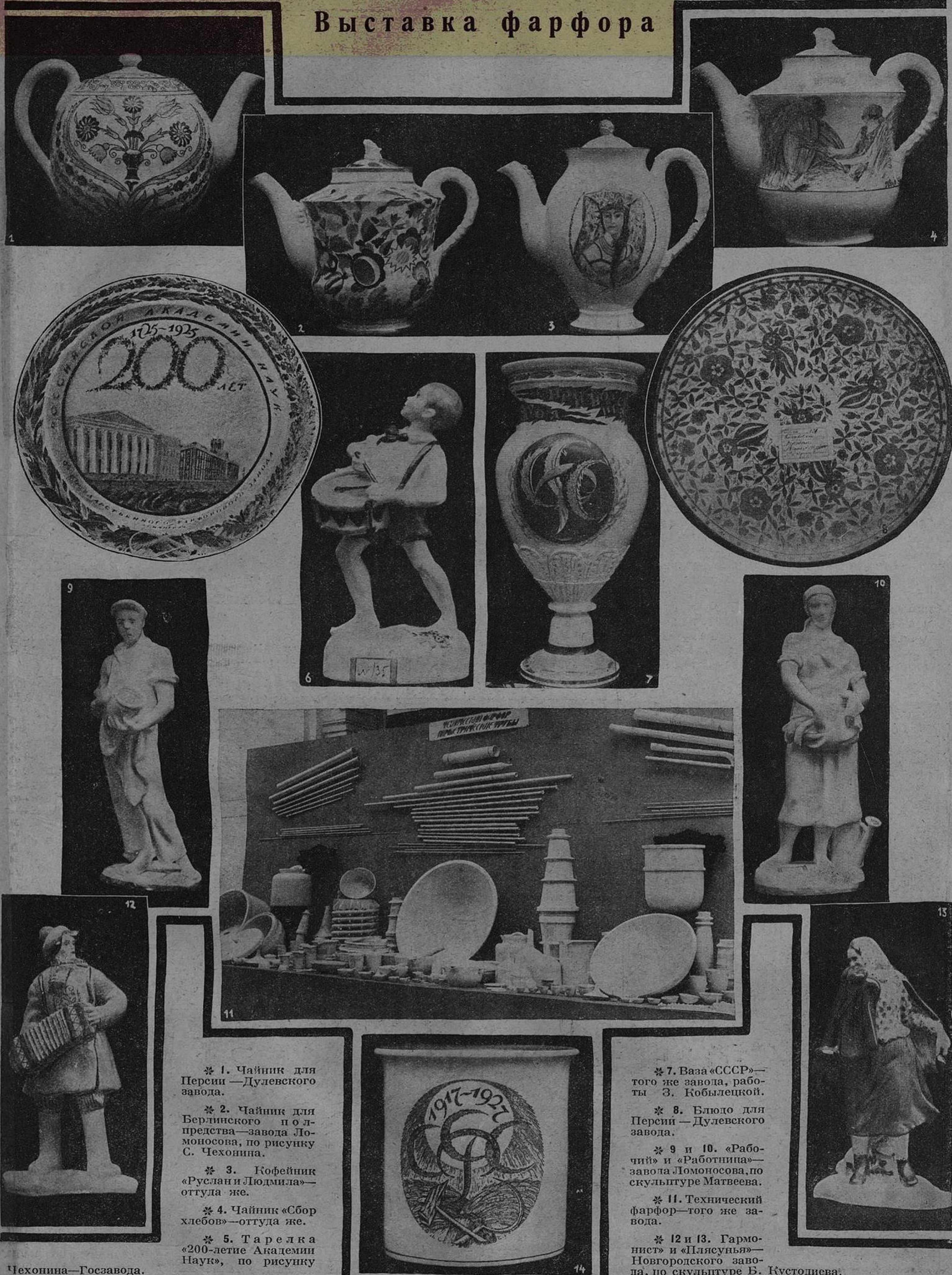

Выставка фарфора

* 1. Чайник для Персии — Дулевского завода.

* 2. Чайник для Берлинского по-предства — завода Ломоносова, по рисунку С. Чехонина.

* 3. Кофейник «Руслан и Людмила» — оттуда же.

* 4. Чайник «Сбор хлебов» — оттуда же.

* 5. Тарелка «200-летие Академии Наук», по рисунку Чехонина — Госзавода.

* 6. «Пионер» — завода Ломоносова, по скульптуре Страховской.

* 7. Ваза «СССР» — того же завода, работы З. Кобылецкой.

* 8. Блюдо для Персии — Дулевского завода.

* 9 и 10. «Рабочий» и «Работница» — завода Ломоносова, по скульптуре Матвеева.

* 11. Технический фарфор — того же завода.

* 12 и 13. Гармонист» и «Плясунья» — Новгородского завода, по скульптуре Б. Кустодиева.

* 14. Кружка «10-летие Советской власти» с механизированной гравюрой — завода Ломоносова.

КРАСНАЯ НИВА

51

Киносъёмка в Ленинграде

Рис. В. Сварога

КРАСНАЯ НИВА

Фот. С. А. Магазинер

Лыжницы

ПТИЧКА

Рассказ

Вяч. Шишков

Посвящается Вл. Бахметьеву

Миновав рязанские леса, мы направлялись за Оку, в большое село Лужицы. Моего курносого ямщика звать Гаврилой. Он невысок ростом, широк в плечах, щеки у него толстые, красные, усы большие, с прозеленью, закорючены в улычивый, криво изогнутый, рот. Глазки веселые, с прищуром, и веселый, с язвинкой, голос. Я нанял Гаврилу за три рубля в селе Постромках.

— Да, да,—вздыхая и присвистывая на лошаденку, говорил он—времена тугие пошли, неудобные. Это верно!

Ветерок мел по дороге теплую пыль и расчесывал поспевшие хлебоносные поля. Навстречу тянуло прохладой от Оки, река пряталась за зелеными увалами. На нас тихо

наплывал в синих маковках белый, охваченный солнцем, монастырь. Вспоенный вольготными водами Оки, вскормленный мужичьим хлебом, он с годами пух и ширился: выросла, приподнялась на цыпочки высокая колокольня, она как бы озирала голубую, медлительную гладь Оки и серые дороги, по которым еще недавно пылила к стенам монастыря сермяжная верующая Русь; один за другим возводились корпуса, и новый, в пятьсот пудов, колокол басил на всю округу: «К на-а-м, к на-а-а-м!».

Теперь монастырь молчал. Сердито надувшись, он нахлобучил свои синие шапки и угрюмо выжидал времен. Лишь воинственно горели в потоках солнца золоченые кресты.

— Да-а,—раздумчиво сказал ямщик, снял мятую шляпенку и суетливо, небрежно перекрестился.—Был монастырь,